

Философское осмысление "восточного вопроса" в "Дневнике писателя" Ф.М. Достоевского. Критика идей в контексте эпохи.

Научный руководитель – Маслин Михаил Александрович

Блинова Мария Михайловна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра истории русской философии, Москва, Россия

E-mail: blinova.m@yahoo.com

1. Позиция Достоевского по восточному вопросу восходит к миссии России в лирике Тютчева способствовать освобождению славян, утверждать свет Христовой истины (в пику «искаженному христианству в католицизме») на Востоке и спасти Европу от антихристианских революционных идей. Размышления поэта-политика (ст. «Россия и Революция» 1848 г.) о Священном Царстве, душой которого является «Православная церковь» и «все-человечестве», снимающем томительную тоску «европейских противоречий» как судеб России среди народов арийского племени вплелись в ткань исторических размышлений Достоевского.

(Г.В. Флоровский, Л.Гроссман, Д.Гришин Б.Н.Тарасов)

Славянская идея Достоевского также продолжает историко-философские и экклезиологические воззрения Хомякова. От теории панславизма Хомякова (славянофильский манифест «К сербам. Послание из Москвы», в «Письме к приятелю-иностранцу. Перед началом восточной войны» (1854), ст «Мечта» («Проснися, дремлющий Восток!»)), концепция Достоевского отличается более выраженной религиозной основой, а также более критическим отношением к восточным славянам. Хомяков в работе «Церковь одна» имплицитно обвинил Римскую церковь в ереси; Достоевский вышел за рамки экклезиологии, установив связи в политической и общественной среде между католицизмом и социализмом. В критике папства (догмата о непогрешимости собора 1870 г., искушении земными благами) можно наблюдать соответствие взглядов Достоевского и Хомякова.

2. Размах карательных мер со стороны турецких властей (свыше 30 тыс. погибшего мирного населения в Болгарии) вызвал большой резонанс по всей Европе. Поход русской армии 1876 г. в «южное подбрюшье Европы», мощное демократическое движение помощи славянам, призыв к солидарности со «славянскими братьями» всеми органами печати - от «Московских ведомостей» до «Отечественных записок», рассматривается Достоевским как возможность единения интеллигенции и народа и начало духовного подъема. Освободительная миссия также не могла не породить надежд на «увенчание здания» в самой России - завершение реформ. Если И.Аксаков, М. Погодин, и Р. Фадеев заостряли внимание на военно-политических аспектах русской восточной политики, а Н. Данилевский выделял концепцию «культурно-исторического единства», то Достоевский видел смысл «восточного вопроса» в высшей этической цели - нравственном долге России явить «образец подлинно человеческого разрешения всех мировых несогласий». Достоевский выдвигает на первый план «принцип религиозный, а не национальный, православие, а не славянство», придает русско-турецкой войне священный, христианский характер. Затем «Наш русский Восточный вопрос раздвинется в мировой и вселенский».

3. По мере развития военных событий Достоевский в 1877 г. утверждает абсолютно бескорыстный подход России, предвидя заражение семьи славянских народов европейскими политическими формами в конфликте «неуклюжего треугольника»: Запад - Россия -

Восток и недоверие со стороны союзников (к захватническим амбициям России) и пренебрежение к «стране варварской, мрачному северному колоссу, даже не чистой славянской крови, гонителю и ненавистнику европейской цивилизации» и апеллирует к авторитету А.С. Пушкина, отразившего еще в «Песнях западных славян» (1834) отшлифованную на уровне архетипов бессознательного, передающуюся в «преданиях» и «песнях» «несомненную и страшную рознь между славянами».

4. Для Достоевского мысль о завоевании Константинополя была не авантюрной, а провиденциальной, базирующейся на религиозно-мифологическом, мистическом фундаменте. Российские притязания на Константинополь со времен Екатерины II обосновывались как predetermined миссия православной империи Романовых. В «Дневнике писателя» (апрель, май-июнь 1877 г.) в качестве аргумента неизбежности захвата Константинополя он опирается на иностранные источники: воспоминания Павла Алеппского о царе Алексее Михайловиче («Мнение «тишайшего» царя о Восточном вопросе», XVII в.) и книгу предсказаний Иоанна Лихтенбергера (1528 г.).

«Восточный вопрос (то есть и славянский вместе)» не славянофилами выдуман, да и никем не выдуман, «родился он при первом сплочении великорусского племени в единое русское государство, то есть вместе с царством Московским <...> Оставить без разрешения задачу о судьбах восточного христианства - значит, все равно что сломать всю Россию».

5. «Картирование славянского мира у Достоевского не однородно привязано к определенному месту на географической и ментальной карте-конструкте (писателя и читателей). В ней не однозначно включение славянских земель, входивших в Австро-Венгерскую империю, Польши. Также автор выделяет две Сербии: Верхнюю, с партиями и с интригами и Народную, считающую лишь русских своими спасителями и братьями, а царя русского — за солнце свое».

В ближайшей перспективе российское государство должно было достичь второго уровня, на котором Российская империя становилась бы синонимом Православной империи, включающей в свой состав балканских славян, а также отнятый у Турции Константинополь как символ православного мира. Апогей развития проявился бы в государстве третьего уровня - Всеславянской империи, дополнившей свой состав западными славянами.

6. Страна с огромным усилием «полувыиграла» русско-турецкую войну: выручила Сербию, освободила Болгарию, прижала Оттоманскую империю к морю, но армия добровольно отступила от Константинополя. Неоднозначный исход русско-турецкой войны, сведение Берлинским конгрессом «собственной выгоды» России на нет, и тот факт, что восточный вопрос не обновил Европы и не повёл к возрождению России способствовали злорадству со стороны критиков.

Однако объединение Востока под началом России Достоевский всегда определял как долгосрочный проект, требующий терпения на «целое столетие» вперед перед трепещущими за свою свободу соседями, переживающими длинный период европеизма перед осознанием своего «особого славянского призвания в среде человечества». Страдание России в процессе воспринимается не только как средство преодоления человеческого несовершенства, духовного возрождения, «личной нравственной гигиены», но и как общественный долг, ведь личность утверждается не в противопоставлении, но в солидарности с людьми.

Цели России в политике он всегда определяет как «метаисторические», это взгляд «метapolитика», философа от политики. Будущее здесь - надысторическая проекция, утопия, «песня». Политика партий и правительств реальна или фантастична в зависимости от то-

го, насколько укоренена в почве и соответствует метаисторическим целям нации. Сиюминутное «сейчас» и вечное «всегда» гармонируется в «Дневнике» творческой волей автора - Микрокосм неразрывно связан с макрокосмом. «Ничего окончательного в мире еще не произошло, последнее слово мира и о мире еще не сказано» (М. Бахтин). «Одним словом этот страшный восточный вопрос - это чуть не вся судьба наша в будущем. В нем заключаются как бы все наши задачи и, главное, единственный выход наш в полноту истории».

7. Первой предметной (хотя и полускрытой) критикой тезисов о славянской солидарности, православном патриотизме, народности и справедливости войны за славян можно считать реакцию авторов «Отечественных записок» (антивоенные очерки М.Е. Салтыкова-Щедрина «День прошел - и слава Богу» (ноябрь 1876 г.); «Тряпичкины-очевидцы» и «На досуге» (август и сентябрь 1877 г.), «Современная идиллия» (1877-1883); в цикле «За рубежом» (1880-1881) и в «Письмах к тетеньке» (1881-1882). Военную кампанию в поддержку славян он оценивает как «дамский кружок» и критикует за неискренность пожертвованных и ура-патриотический шум, объясняя славянский «порыв» в русском обществе легкой возбудимостью и «художественными инстинктами» прослойки «культурного слоя», игнорирующего войну как народную трагедию и женский плач. Провоенной позиции Щедрин противопоставляет теорию «приличного прозябания». России нужно не вмешиваться в международные дела, а решать свои внутренние проблемы: одолевать «внутренних врагов», смягчать полицейские меры и обеспечивать свободу слова, а также озаботиться падающим курсом рубля.

Авторы журнала - Г.И.Успенский, Н.К. Михайловский («Жестокий талант» (1882)), Н.Максимов, Е.И.Лихачева, В.А.Тимирязев, А.Н.Энгельгард критикуют славянскую идею Достоевского за привлечение на свою сторону авторитета самого Бога и всего русского народа.

К.Н.Леонтьев осуждал идею объединения всего мира под началом объединенного Востока как космополитическую. «Всеобщее примирение» на основании «космополитической любви» - «непримиримо», поскольку невозможно «любить современного европейца» (из-за гордости и несмирности). Леонтьева не устраивает распространение славянофильской программы и не слишком новой мысли «о примирительном назначении славян» на широкие слои общества вместо смирения с мыслью о конечности всего земного. Леонтьев требует сочувствия к католицизму, к «Римской Церкви, Церкви всё-таки великой и апостольской».

Критика в 1877 г. Достоевским 8-й части «Анны Карениной» за оценку добровольческого движения, отсутствие «непосредственного чувства к угнетению славян» у главного героя и отказ в убийстве врагов. Достоевский уловил зачатки того мирозерцания, которое получит окончательное воплощение лишь через несколько лет и стяжает Толстому славу «апостола непротivления», понимаемое вторым «Дневника» как извращение понятий, «сантиментальничание». Толстой видит в движении в поддержку «братьев-славян» несоответствие той концепции народного единения, которая у него выработалась в ходе написания «Войны и мира» и развенчивает романтическое представление, будто «все русские люди от мала до велика были заняты только тем, чтобы жертвовать собою, спасти отечество».

Столь всеобъемлющее понимание славянской идеи как у Достоевского не обнаруживается ни у славянофилов, ни у правительственных идеологов, ни у адептов официальной народности и панславизма.

8. Автором доклада утверждается непреходящая актуальность темы объединения че-

ловечества, получившей систематическое развитие в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского, включающая также «этап» славянской иде, несмотря на всю "частность" вопроса и периода. Перспектива всемирного единения сегодня обусловлена в социальной философии необходимостью единого планетарного сознания, вызванного появлением ряда глобальных проблем, требующих всеобщего самосознания, приоритета общечеловеческих ценностей над более частными (Например, в процессах решениях экологических, эпидемиологических проблем, гонки вооружения, усиления милитаризма).

Источники и литература

- 1) Г.В. Флоровский, Л.Гроссман, Д.Гришин Б.Н.Тарасов